

От греха подальше

На острове Валаам вся власть принадлежит церкви. А власть, как обычно, хочет заниматься бизнесом...

На пресс-конференции жителей и монахов с острова Валаам в Москве снова была представлена антитеза. Александр Сергеевич (от имени жителей): Мы здесь живем, а монахи выживают нас с острова". Отец Мефодий (от имени монахов): "Монастырь существует на острове искони, а местные жители и туристы отвлекают монахов от работы, мешают молиться".

В августе я провел на Валааме неделю, но долго не мог все это сложить. Здесь есть тема экономическая — о земле и собственности, есть конституционная — о правах человека. Под теми и этими вопросами уходит вглубь исторический пласт, который тоже не однозначен. Наконец, всю эту ситуацию, коли речь идет о православном монастыре, надо рассмотреть в свете еще одного источника, который тут наиболее труден и неудобен: Евангелия.

В последний день командировки, 19 августа, был как раз Яблочный Спас. "Да воссияет и нам, грешным, свет Твой присносущный", — поют монахи. На иконе смешные фигурки апостолов, закрывая лица руками, катятся с горы. Петр уже чуть пришел в себя и тянет руку к Христу, хочет что-то сказать. Это вот о чем. Когда Иисус преобразился, и одежды его сделались "белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить", Петр воскликнул: "Господи! Хорошо нам здесь быти!"... Давай, мол, останемся, сделаем три кущи... Но Иисус посмотрел насмешливо и пошел с горы вниз, где его дожидались грешники.

Об историях

По одной из версий крест на Валааме воздвиг брат Петра апостол Андрей Первозванный. С исторической точки зрения это нелепица, а с точки зрения предания — как знать. Видимая история тоже начиналась и заканчивалась здесь не однажды. В 1611 году монастырь был сожжен шведами, при Петре монахи пришли снова. После 17-го года монастырь перешел под опеку православной церкви Финляндии. В марте 1940-го монахи ушли по льду, и до 41-го, когда вернулись финны, была школа юнг, им нравилось стрелять по иконам. После войны снова стал СССР, пригнали по льду стадо финских коров, а в начале 50-х в кельях сделали интернат для инвалидов (см. у Нагибина). И еще за двадцать лет до переселения богадельни на материк, в шестидесятых, на Валаам стали заходить туристические пароходы, и потихоньку завязался музей.

В 1989 году Ельцин (или, наоборот, Хасбулатов) вернули монастырь РПЦ. Но когда первые шесть монахов сошли с корабля, выяснилось, что на острове опять уже живут какие-то люди. В первые годы между этими аборигенами и монахами случались и инциденты с мордобоем, но со временем спор приобрел характер юридический.

С точки зрения Бога, которого исповедуют христиане, всякая история, будь то мира, страны, народа или одного человека — это история их спасения (или падения). Притом, хотя это и с трудом укладывается в человеческой голове, для Него все эти истории, разумеется, не одинаковы, но одинаково ценны. Бог Нового Завета не жертвует спасением одного ради двух, двумя ради тысячи, тысячу душ — ради "народа". Если верить Христу, всякий человек, святой или грешник, лишь в том смысле "одинаков", что Он старается каждого спасти.

Например, Дима переселился на Валаам в конце восьмидесятых, устроился в музей и получил келью в так называемой Зимней гостинице. В 1992 году музей закрылся, Дима первым придумал обжигать из глины колокольчики с надписью "Валаам". Колокольчики пошли влет, монахи тут же зарегистрировали ООО "Валаам-Сервис", и светские власти Карелии передали в аренду ООО весь берег, где ступает нога потенциального покупателя. Исторический план переплелся с экономическим и юридическим. Дима, апеллируя к антимонопольному закону, по суду отстоял право торговать колокольчиками на берегу, зато монахи добились в правительстве Карелии решения о передаче им Зимней гостиницы и раз в полгода Диму с детьми оттуда выселяют (разумеется, он там такой не один).

Недавно Законодательное собрание Карелии отписало всю недвижимость на Валааме монастырю навечно, но “с обременениями”, сиречь вместе с жителями, что подвигло Диму и его друга Филиппа (приехал в музей из Таллинна) выставить пикет возле лестницы, ведущей от пристани вверх. Когда приезжает Патриарх, пикет снимается в обмен на какие-нибудь уступки. Но Патриарх плаката все равно не увидел бы, по лестнице он не ходит, а приплывает на катере, как и Путин, и от пристани за мысом их сразу везут к игумену. А Грызлов, Миронов и Шойгу на вертолете садятся на огород к Александру Сергеевичу (о нем ниже). С местными жителями они не встречаются и вряд ли знают, что таковые тут есть.

Прокуратура в Сортавале завела на Диму и Филиппа дело о попытке захвата власти. Разговаривая с Димой, я спросил, ходит ли он в церковь. Теперь уже редко, говорит он. А как же Христос, он же стоит в церкви во время литургии? А разве сейчас его тут нет? — говорит Дима, глядя на кораблик. Эта религиозная позиция, вытекающая из Диминого опыта, называется протестантизмом. Но монастырь борется с ним не как с протестантом, а как с квартирантом.

Вспомним, что каждая из историй — как Димы, так и монастыря — это история спасения (или падения), и все они в глазах Бога, которого исповедуют христиане, одинаково ценны (см. притчу о добром пастыре, который рискнул стадом ради спасения заблудшей овцы).

Уроки истории

Вероника Александровна говорит духовнику: “Батюшка, с монастырем я грешу здесь больше, чем грешила без монастыря”. В семьдесят три года у нее удивительно ясный взгляд. Она учитель истории, на остров приехала в 1962-м, много лет была директором школы, иногда и председателем сельсовета, но членом КПСС не состояла, в отличие от некоторых монахов. Вот, по ее сведениям, отец Варфоломей — бывший парторг Ленинградского водоканала, тут тоже заведует водопроводом, за что получил у островитян кличку “Водяной”, очень идущую к его бороде. В честь освящения Патриархом очистных сооружений на Валааме отец Водяной воздвиг на задах гранитный крест. Но, видимо, как-то не так освятили: воды все равно не хватает, а дерьмо течет в озеро. Владыка игумен Панкратий на вопрос учительницы, которая не стесняется к нему с этим обратиться, вздыхает и говорит: “Ну что вы хотите, они тоже дети своего времени”.

Но чем же она тут не угодила Богу, выучив на Валааме не меньше тысячи уж каких-никаких детей? Между тем ее тоже время от времени выселяют. Монастырь построил в глубине острова под видом никогда там не существовавшего скита резиденцию для Патриарха, а когда речь о людях, тут у них, видите ли, заповедник. Еще Веронику Александровну беспокоит вопрос похорон: священников, чтобы отпеть, тут сколько угодно, а вот государственной печати ни у кого на острове нет. Не говоря уж о почте.

Александр Сергеевич — адепт местного самоуправления, имеет всклокоченную бороду и демократические убеждения, но пикетировать не ходит. Жена и сын от него уехали, не выдержав битвы за келью, а он весь день косит, ворошит или возит сено. Он прошел Крайний Север, в музее был реставратором, а сейчас типа фермер.

В 1991 году, когда была демократия, Александр Сергеевич арендовал на 49 лет землю за монастырем на бугре, отчего к нему прилипла кличка (ее я услышал в монастыре) “Хрен с бугра”. Землю у него все время отбирают под тем предлогом, что она используется не по назначению. У него же здесь лекарственный огород, тыквы, огурцы, картошка, пчелы и две коровы — Зорька и Зоряна, но Зорька никак не отелится, а Зоряна до сих пор не покрыта. Считая Александра Сергеевича врагом православия, который судится с игуменом на зарубежные гранты, монахи не дают ему для этой цели единственного на острове быка.

Отец Мефодий (о нем чуть ниже), когда вечером я скажу ему об этом, запишет на бумажке и пообещает быка выделить, а также попенять за самодурство другому отцу, заведующему фермой. Но он тут же выдвинет к Александру Сергеевичу и встречную претензию: что же он вам не рассказывает про вертолет, на котором на остров прилетают, между прочим, сам Грызлов и Шойгу, он же дерет по тысяче рублей за посадку вертолета у себя на бугре? В ответ наутро, размахивая граблями, фермер выдаст пулеметную очередь: “Да они мне тридцать тысяч уже должны пусть садятся бля где хотят меня же не спрашивают это же марсианская пыльная буря у сарая крышу снесли чуть на корову не сели”.

С такой же убежденностью Александр Сергеевич говорит и на тему местного самоуправления. До последнего времени Валаам считался окраиной Сортавалы, туда через озеро час на катере, в межсезонье только вертолетом. В ноябре 2004-го Законодательное собрание Карелии приняло закон, по которому Валаам должен быть поселением со своим самоуправлением. Но в апреле 2005 года собрание дало задний ход и снова присоединило Валаам к Сортавале. Александр Сергеевич добился признания своего права выбирать

себе самоуправление на Валааме в Верховном суде Российской Федерации.

Теперь уж сам Патриарх написал президенту Карелии в том смысле, что не надо выполнять решение суда. Эмиссары карельских властей, приезжавшие встречаться с аборигенами, сказали, что решение суда они, конечно, выполнят, но рулить местному самоуправлению все равно будет нечем: бюджет останется в Сортавале, а имущество все уже отписано монастырю.

Прежде чем идти в монастырь, сформулируем вопросы, которые ставит перед ним продвинутая часть населения Валаама. Вовсе не о местном самоуправлении, в сущности, речь, это способ защиты шкурных интересов, — скажут монахи и будут правы. У них же вон, какие темы: духовное возрождение, национальная идея и так далее. А у этих только квадратные метры и огород на уме — мелко!

Но для людей нормально заботиться о своих интересах, огородах, семьях и детях. Это для церкви не нормально. Христос говорит: кто хочет идти за мной, брось все, возьми свой крест, и иди. А кто не хочет — паши огород, не могут же все сразу в святые: человек слаб, сердобольней как-то к нему надо.

Монахи

Самый добросердечный человек в монастыре, по мнению жителей острова — отец Мефодий. Поначалу он встретил меня настороженно и прикинулся, что неважно понимает по-русски, он вообще-то из Македонии — нестарый, веселый, с черной бородой. Все он понимает отлично, вечером мы ужинали и разобрались.

Всякая должность тут называется послушанием. Послушание о. Мефодия состоит в приеме гостей, каковых бывает много и разных. Но на полке у него стоит (по благословию, конечно) только одна фотография: с Путиным. Поужинав с Мефодием, я не сомневаюсь, что перед Путиным он не заискивает, а ведет себя с ним так же, как и с любым другим не наглым и приятным ему гостем.

Кроме того, Мефодий раздает деньги бабушкам и подарки детям острова и помогает при разных бедах. Он говорит (я специально переспросил), что средства, из которых он творит добрые дела, не из монастырской казны. К нему много “просьб” — бывая в столицах, он не всегда успевает их выполнить. Недавно кропил дом звезде шоу-бизнеса, было трудно, бесами все так и кишело, насилу удалось их изгнать. У него хорошо получается, “заказчики” испрашивают разрешения давать его телефон друзьям. И он кропит, сколько хватает времени и сил, ОАО и виллы, яхты и “БМВ”. А деньги раздает.

А кто был прав, спрашиваю я за ужином: Иосиф Волоцкий, который выступал за церковное землевладение, или нестяжатель Нил Сорский? Он угощает меня волшебного посола ладожской форелью и опять что-то плохо понимает по-русски.

Все попытки обсудить какие-то богословские вопросы с другими монахами не имеют успеха. Но из разговоров, слово за слово, все же можно выстроить какую-то картину мира, как она представляется из монастыря.

Православный монах все время борется со страстями, не должен улыбаться, нет поводов для этого. Мир лежит во зле, человек греховен, спасение его только по молитве, да и то монашеской. Православный монах — не католик, незачем ему идти в мир, он молится о спасении тех, кто сам приходит, если чуть шире — о спасении людей церкви. А кто это: только ли православные, а что же католики или агностики? Тут запинка. Пожалуй, склоняется мнение монахов, спасается только “истинно верующий”. Ну а это-то как угадать?

“Паломники”

Владимир Александрович, бывший директор музея — коллаборационист, про себя он думает, что ликвидация музея была ошибкой, но теперь уж что вспоминать. Монастырь привлек на реставрацию такие деньги, которые музею присниться не могли. Реставрируется пока только монастырь. В “Зимней гостинице”, где теперь вперемешку с аборигенами живут монахи и зело пахнет котами, никакого ремонта не было лет сорок. Но все рано или поздно образуется, если будет туризм, основа доходов острова, а главная приманка, как ни крути — монастырь. “Позиция монастыря теперь уже не агрессивная, — говорит Владимир Александрович, который в дружбе с игуменом хочет устроить тут природный парк,— она просто монопольная”.

Весь туризм контролирует ООО “Паломническая служба”, монастырю в нем принадлежит контрольный пакет. “Паломником” называется всякий, независимо от того, что именно его интересует на Валааме: религия, архитектура, фауна и флора, или просто искупаться и выпить. “Паломническая служба”, зарегистрированная в Санкт-Петербурге, безжалостно увольняет экскурсоводов, если они увлекаются содержанием экскурсий и пробегают мимо свечных ящиков. Прибыль на свечах — до 4000%, на иконах поменьше. Прежние музейные

люди возмущаются засильем менял в храме истории, но ООО набирает в Питере девиц, натаскивает их через курсы, при зарплате до 500 долларов в месяц отбою нет от “экскурсоводов”.

Монастырь и ООО декларируют, что для паломников (в данном контексте так уже называются только те, кто едет по путевкам из приходских церквей) здесь все бесплатно. Хотя за дорогу они платят, не считая мелочи, которую оставляют в “свечных ящиках” и “кружках”. А льготы для паломников фактически погасят туристы. Паломников в трапезной кормят даром, но обед из капусты тому, у кого нет путевки из приходской церкви, обойдется в 150 рублей.

В сущности, монастырь ведет себя на Валааме не лучше и не хуже, а так же, как любая коммерческая структура в любом российском регионе: подружиться с властью, легализовать монополию и извлечь сверхприбыль. С той лишь разницей, что монополия тут претендует не только на товары или услуги (например, иконы и причастие), но также и на истину, и это уже проблема не только острова.

Владыка и схимник

“Причал только по благословию игумена” — гласит щит на пристани. Ну что ж, пойдём к владыке Панкратию (этот разговор на диктофон я не записывал, может, что-то и не так понял).

“Кто же все-таки был прав: Нил Сорский или Иосиф Волоцкий?” — спрашиваю я в лоб, поскольку епископ принял меня не чинясь. Оба по-своему, говорит он уклончиво. Вот у человека есть и голова, и сердце, но есть еще и брюхо, его же надо покормить, иначе голова работать не будет — откуда дух возьмется? “Это так, но трудно провести грань между богатством и безумием, не об этом ли говорил Иисус в притче о безумном богаче? Не легче ли вам и самому было бы, владыка, если бы хозяйством занимались светские власти?”. Да, конечно, но приходится все самим, сказал он. “А вот эти люди, с которыми судится монастырь, они же тоже в своем роде соль земли?”. Поселок здесь не нужен, если вы об этом. “Вы понимаете, что вы говорите, владыка? Экономически это, может быть, обсуждаемо, а с точки зрения Евангельской? “Хорошо вам здесь быть?”... Да нет, говорит он, вы меня не так поняли... Ну, некому тут давать самоуправление. Мы пестуем, как умеем, местное население. Есть, которые спились, а есть бывшие музейные, они, конечно, люди образованные, но дай им самоуправление, они друг друга перегрызут...

По существу, епископ говорит то же, что собор РПЦ в споре о правах человека, которые, по их мнению, западная выдумка. А может, Бог создал человека вместе с правами? Интересно, что об этом думает Путин, обсуждает ли он это с епископом, бывая на острове? Но об этом я уже не имел права спросить. Владыка вздохнул и стал писать записку на личном бланке: “Скит Всех Святых. О. Серафим! Поговорите с Леонидом Васильевичем”. Подпись.

Отец Серафим рыжий, чудной и нерусский, единственный виденный мной на острове в кирзовых сапогах. Говорит внимательно, с уловимым французским акцентом. Он окончил Сорбонну и приехал сюда, перейдя еще во Франции из католичества в православие. Это не потому, что в католицизме нет истины, но в православии есть вся полнота истины — так он пояснил.

Спор между иосифлянами и нестяжателями ответа не имеет, но победа Иосифа логична. Потому что это путь более простой, а путем Нила могут идти немногие. Схимник знает о несправедливостях, которые творятся в мире и на острове, он сокрушается, а что может сделать? Только молиться. Молится он не только о православных, обо всех, поодиночке не спастись. Ему хочется со всеми говорить, но он только успевает молиться, это его труд, надо успевать. Дело-то все-таки идет к страшному суду, считает он. Шанс спастись есть, но через страшный суд. А какой он будет? Наверное, страшный, но, поскольку какие-то черты Царства Небесного есть уже и на земле, радоваться им — нет греха. И благодарить.

Особенно расстроил отца Серафима мой вопрос о том, когда же мы дождемся какого-то внятного слова от церкви. “Между нами же нет любви, — сказал он. — Кто же нас услышит, а если и услышит, то кто поверит?”. Он говорит не как монахи в монастыре, что “мы обязаны иметь любовь (к вам — авт.) в своем сердце”, он говорит: “Дайте людям радость вашей любви, чтобы они понесли свой крест”.

Я благодарен за возможность поговорить со схимником, но понимаю, что игумен имел в виду предъявить его мне и как продукт: смотрите, что произвел монастырь. Это и есть дух, а остальное, в общем, “брюхо”. “Хорошо им там быть”. Ну и ладно. Но нет нужды лишать жилья и хлеба всех людей на острове, оставляя привилегию обслуживать монастырь лишь “трудникам”, а по старому — шабашникам. Или это уже не экономика, а идеология?

Я спросил разрешения прислать отцу Серафиму свою заметку о монастыре, он обещал, что прочтет.

Понимает ли он, что заметка будет, в общем, антицерковная? Он сказал, что церковь — это Тело Христово, но, с другой стороны, это и собрание грешников. На прощанье я попросил его помолиться и за меня. Наверное, он это сделал, потому что на какое-то время мне стало страшно легко.

От скита Всех Святых вниз ведет аллея из дубов, посаженных лет сто пятьдесят назад прежними монахами. Интересно, что они думали о том же самом? Наверное, думали по-разному. Все устроится. Были бы люди. Кстати, Петр потом понял, что преобразиться самому — это еще не все, это слишком простая история. Поэтому в куцах он не отсиживался, а уж хорошо он кончил или плохо — ответ на этот вопрос зависит от веры того, кто его себе задает.

Автор: Никитинский Леонид © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 2309 29.01.2007, 13:38 📌 211
URL: <https://babr24.com/?ADE=35590> Bytes: 18610 / 18575 Версия для печати Скачать PDF

[👍 Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)